

Синдром управления

В Гонолулу все спокойно, мертвые похоронены, обломки зданий расчищены. Спасательная баржа покачивается на тихоокеанских волнах за вулканом Даймонд-Хед. Нырятьщики следуют за цепочкой пузырьков в зеленоватой воде к месту крушения аэропоезда из Штатов. Всему виной Скрэмбл-синдром. На берегу в переоборудованных бараках психологи безуспешно работают с последствиями безумия. Отсюда начался Скрэмбл-синдром: только что город был мирным, а секунду спустя все сошли с ума.

За сорок дней заражено девять городов.

Это «черная смерть» двадцатого века.

Сизтл

Сначала звон в ушах, резко переходящий в свист. Свист переходит в предупреждающий грохот кошмарного поезда, с ревом несущегося сквозь его сон.

Сон мог бы заинтересовать психоаналитика с клинической точки зрения. Но этот психоаналитик не изучал сон; он видел его. Он стискивал руками покрывало у шеи, беззвучно извиваясь на кровати и подтягивая колени к подбородку.

Свисток поезда перешел в контральто роскошной певицы, исполняющей «Безумный блюз». Сон переполняли вибрации страха и дикости.

«Миллион долларов ничего не значит...»

Хрипловатый голос вздымался над звуками медных духовых инструментов, стуком ударных, визгом кларнета, похожим на ржание разъяренной лошади.

Темнокожая певица с ярко-синими глазами, одетая в черное, отошла от красного занавеса в глубине сцены. Она распростерла руки перед незримой аудиторией. Певица и занавес пришли в движение, вращаясь все быстрее, и быстрее, и быстрее, пока не слились в лучик красноватого света. Лучик постепенно расползлся, превращаясь в раструб валторны, выводящей минорную ноту.

Пронзительная музыка ножом врезалась ему в мозг.

Доктор Эрик Лэдд проснулся. Он тяжело дышал, по лицу градом катился пот. Он все еще слышал голос певицы, музыку.

«Мне снится, что я проснулся», — подумал он.

Он стянул с себя верхнюю простыню, спустил ноги с постели, поставил их на теплый пол и резко встал. Подошел к окну, взглянул на лунную дорожку, мерцавшую на поверхности озера Вашингтон. Коснулся переключателя звука у окна и услышал шум ночи — стрекот сверчков, свист весенних квакш на берегу озера, отдаленный гул воздушного экспресса.

Пение продолжалось.

Эрик пошатнулся и ухватился за подоконник.

«Скрэмбл-синдром...»

Он повернулся, посмотрел на новостную ленту у постели. О Сиэтле ни слова. Возможно, он еще не болен и музыка у него в голове — не симптом Синдрома.

Он предпринял отчаянную попытку вернуть себе самообладание, покачал головой, постучал ладонью по уху. Пение не исчезало. Он посмотрел на часы на прикроватном столике: 01:05 ночи, пятница, 14 мая 1999 года.

Музыка в голове прекратилась. Но теперь... Аплодисменты! Громогласные хлопки, возгласы, топот ног. Эрик потер голову.

«Я не сошел с ума... Я не сошел с ума...»

Он накинул халат и направился в кухонный отсек своего холостяцкого жилища. Выпил воды, зевнул, задержал дыхание — лишь бы избавиться от шума, состоявшего теперь из обрывков разговоров, звона бокалов, шарканья ног.

Он налил себе виски и залпом проглотил его. Звук в голове стихли. Эрик посмотрел на пустой стакан у себя в руке и покачал головой.

«Новое средство от безумия — алкоголь! — кисло улыбнувшись, подумал он. — А я каждый день объясняю пациентам, что выпивка проблем не решает. — Он словно бы попробовал на вкус горькую мысль: — Может, надо было присоединиться к той терапевтической группе, а не оставаться здесь, пытаясь изобрести машину от безумия. Если бы только они не посмеялись надо мной...»

Он отодвинул от раковины фанерный ящик, освобождая себе место, и поставил стакан. В ящике среди кучи электронных запчастей лежала тетрадь. Эрик взял тетрадь и уставился на выведенные его же рукой печатные буквы на обложке: «Психозонд Аманти — книга тестов IX».

«Над старым доктором тоже смеялись, — подумал он. — И этим довели его до психушки. Может, и я направляюсь туда же — как и все в этом мире».

Эрик открыл тетрадь, провел пальцем по схеме последней экспериментальной системы. В психозонде в подвальной лаборатории все еще сохранялась проводка, пусть и частично демонтированная.

«Что с ним было не так?»

Закрыв тетрадь, он бросил ее обратно в ящик. Он мысленно перебирал хранившиеся в голове теории, знания, полученные в результате тысячи неудачных опытов. Его одолевали усталость и уныние. И все же он знал, что то, что искали в снах и поведении человека Фрейд,

Юнг, Адлер и прочие, находилось где-то за гранью сознания в электронной схеме слежения.

Он вернулся в спальню, одновременно служившую ему кабинетом, улегся в кровать и делал дыхательную гимнастику до тех пор, пока его не начало клонить в сон. Певица, поезд и свист не вернулись.

* * *

Комнату озарил утренний свет. Эрик проснулся. Фрагменты кошмара не отпускали. Он знал, что до десяти у него нет никаких встреч. Новостная лента предлагала длинный набор сюжетов, в основном на тему Скрэмбл-синдрома. Эрик ввел кодовые буквы восьми тем, переключил аппарат в аудиорежим и, пока одевался, слушал новости.

Его терзали воспоминания о кошмаре. «Сколько человек просыпаются посреди ночи, гадая, не пришел ли их черед?» — раздумывал он.

Он выбрал лиловую накидку, набросил ее поверх белой спецодежды. Взял тетрадь из ящика на кухне и вышел в прохладное весеннее утро. Он подкрутил терморегулятор на спецодежде. Унитуб доставил его на берег залива Эллиотт. Эрик позавтракал в ресторане морепродуктов. Тетрадь с заметками по психозонду лежала открытая рядом с тарелкой. После завтрака он нашел пустую скамейку на улице с видом на залив, сел, открыл тетрадь. Ему стало лень изучать диаграммы, и он обратил взгляд к заливу.

От серой воды поднимался туман, скрывавший противоположный берег. Где-то вдаль над водой раздался гудок рыболовного судна. От строений за спиной у Эрика отскакивало эхо. Мимо торопливо проходили рабочие. Их голоса звучали приглушенно. Угрюмое выражение на лицах, затравленные взгляды — все это излучало страх. Эрик почувствовал проникавший сквозь

одежду холод скамейки. Он задрожал, глубоко вдохнул соленый воздух. Ветер с залива разносил запах водорослей, гармонично сочетавшийся с горьковатым мускусом городских испарений. Чайки дрались из-за лакомого куса, принесенного прибоем. Ветерок шелестел страницами лежавшей на коленях тетради. Эрик прижал их рукой, рассматривая людей.

«Тяну время, — подумал он. — В наши дни немногие представители моей профессии могут позволить себе такую роскошь».

Отстукивая быстрый ритм подошвами босоножек по бетону, к нему подошла женщина в красной меховой накидке. Ветер раздувал накидку у нее за спиной.

Увидев обрамленное темными волосами лицо незнакомки, Эрик почувствовал, как напряглось все его тело. Это была женщина из его ночного кошмара! Он не мог отвести от нее глаз. Заметив его пристальный взгляд, незнакомка отвернулась и прошла мимо.

Эрик неуклюже скомкал дрожащие от ветра листы, захлопнул тетрадь и бросился за ней. Догнал и зашагал рядом, бездумно тараща на нее глаза. Она покосилась на него, покраснела и отвела взгляд.

— Уходите, а не то я позову полицию!

— Прошу вас, я должен с вами поговорить.

— Я сказала, уходите. — Она ускорила шаг. Он тоже зашагал быстрее.

— Прошу вас, простите меня, но вчера ночью вы мне снились. Понимаете...

Она смотрела прямо перед собой.

— Это мне и раньше говорили! Уйдите!

— Но вы не понимаете.

Она остановилась и, дрожа от ярости, повернулась к нему лицом.

— Еще как понимаю! Вы видели вчера мое шоу! Я вам снилась! — Она мотнула головой. — «Мисс Ланай, я должен с вами познакомиться!»

Эрик покачал головой.

— Но я никогда раньше не слышал о вас и не видел вас.

— Ну надо же! Я тоже не привыкла, чтобы меня оскорбляли!

Она развернулась и быстро зашагала прочь. Красная накидка развевалась за ней следом. Он снова догнал ее.

— Прошу вас...

— Я закричу!

— Видите ли, я психоаналитик.

Женщина заколебалась, замедлила шаг, остановилась. На лице появилось озадаченное выражение.

— А вот это что-то новенькое.

Он воспользовался проявленным ею интересом.

— Вы действительно мне снились. Это меня напугало. Я никак не мог выбросить это из головы.

Что-то в его голосе, в его манере показалось ей смешным.

— И однажды сон непременно должен был стать явью.

— Я доктор Эрик Лэдд.

Она посмотрела на эмблему кадуцея* на его нагрудном кармане.

— Колин Ланаи. Я певица.

Он скривился.

— Знаю.

— Вы же говорили, что раньше не слышали обо мне.

— Вы пели у меня во сне.

— А-а! — Женщина помолчала. — Вы и правда психоаналитик?

Он достал из нагрудного кармана визитную карточку и протянул ей.

---

* Кадуцей — жезл Гермеса в древнегреческой мифологии; в ряде стран — символ медицины. — *Здесь и далее, если не указано иначе, примечания переводчика.*

— Что значит «диагноз с помощью психозонда»? — изучив визитку, спросила она.

— Это инструмент, которым я пользуюсь.

Она вернула ему визитку, взяла его за руку и зашагала легким, прогулочным шагом.

— Ладно, доктор. Вы расскажете мне про ваш сон, а я вам — про свои головные боли. Справедливый обмен? — Она взглянула на него из-под густых ресниц.

— Вас мучают головные боли?

— Ужасные. — Она покачала головой.

Эрик опустил глаза. Какие-то элементы кошмарной реальности возвращались.

«Что я здесь делаю? — подумал он. — Нельзя просто увидеть во сне лицо незнакомки, а на следующий день встретить ее наяву. Еще чего доброго оживет весь мой подсознательный мир».

— А может, это тот Синдром? — спросила она. — С тех пор, как мы побывали в Лос-Анджелесе, я... — Она прикусила губу.

Он уставился на нее.

— Вы были в Лос-Анджелесе?

— Мы уехали всего за несколько часов до того... до... — Она содрогнулась. — Доктор, каково это — быть сумасшедшим?

Он помедлил.

— Так же, как быть здоровым, — по ощущениям самого сумасшедшего. — Он перевел взгляд на туманную дымку над заливом. — Синдром похож на другие виды безумия. Как если бы что-то вытолкнуло людей за порог сознания. И вот что странно: болезнь распространилась в довольно ограниченном радиусе шестидесяти миль. Например, в Атланте и Лос-Анджелесе, а также в Лотоне наблюдалась весьма четкая граница: по одну сторону улицы люди заболели, а по другую — нет. Мы подозреваем, что существует инкубационный период, во время которого... — Он запнулся и с улыбкой посмо-

трел на нее. — А вы всего лишь задали простой вопрос. Видите ли, я склонен читать лекции. По поводу головной боли я бы не слишком беспокоился. Причины могут быть самые разные: скорее всего, питание, смена климата, может быть, глаза. Почему бы вам не пройти полное обследование?

Она покачала головой.

— С тех пор как мы уехали из Карачи, я шесть раз проходила обследование. Результат один и тот же. Четыре новые диеты. — Она пожала плечами. — А голова все равно болит.

Эрик резко остановился и медленно выдохнул.

— Вы и в Карачи были?

— Ну да, это третье место, куда мы ездили, после Гонолулу.

Он подался вперед.

— И Гонолулу?

Она нахмурилась.

— Это что, допрос? — Она помолчала. — Ну...

Сглотнув, Эрик подумал: «Как можно, посетив все эти пораженные Синдромом города, вести себя столь беззаботно?»

Она топнула ногой.

— Вы что, язык проглотили?

«Она так беспечно ко всему относится», — подумал он.

— Вы побывали в Лос-Анджелесе, Гонолулу, Карачи, — перечислил он, загибая пальцы, — то бишь в очагах заражения Синдромом, и...

Она издала резкий, высокий, почти звериный звук.

— Он поразил все эти места?

«Неужели можно жить и не знать, где именно прошел Синдром?» — спросил он себя.

— Вы не знали?

Словно в оцепенении, она, широко раскрыв глаза, покачала головой.

— Но Пит говорил... — Она замолчала. — Я была так занята разучиванием новых номеров. Мы возрождаем горячий старый джаз.

— Как вы могли такое пропустить? По телевизору только об этом и говорят, а еще новостные ленты, трансграфы...

Она передернула плечами.

— Просто я была очень занята. И я не люблю думать о подобных вещах. Пит говорил... — Она покачала головой. — Знаете, впервые за месяц я вышла погулять одна. Пит спал и... — Выражение ее лица смягчилось. — Ох уж этот Пит! Наверное, не хотел меня волновать.

— Если вы так говорите, но... — Он помолчал. — Кто такой Пит?

— Разве вы не слышали о Пите Серантисе и музикроне?

— Что такое музикрон?

Она отбросила назад завиток темных волос.

— Доктор, вы шутите?

— Нет, я серьезно. Что такое музикрон?

Она нахмурилась.

— Вы действительно не знаете, что такое музикрон? Эрик покачал головой.

Она подавила гортанный смешок.

— Доктор, и вы еще негодуете по поводу того, что я не знаю о заболеваниях в Карачи и Гонолулу. Сами-то вы где прятались? Мы же в списке лучших по версии «Вэрайети»!

«Она это серьезно!» — подумал он и сухо сказал:

— Видите ли, я был немного занят своими исследованиями. По поводу Синдрома.

— О-о... — Она повернулась, посмотрела на серые воды залива, потом снова на него. — Вы уверены насчет Гонолулу?

— У вас там семья?

Она покачала головой.

— У меня нет семьи. Только друзья. — Ее глаза блеснули. — Там все... заболели?

Он кивнул и подумал, что надо бы как-то отвлечь ее внимание.

— Мисс Ланаи, — сказал он, — могу я попросить вас об одолжении? — И не дожидаясь ответа, продолжил: — Вы побывали в трех пораженных Синдромом местах. Может быть, в структуре вашего сознания найдется какая-нибудь зацепка. Не согласитесь ли вы пройти ряд тестов у меня в лаборатории? Это не займет много времени.

— К сожалению, не могу — у меня сегодня выступление. Я просто вышла, чтобы хоть немного побыть одной. Я остановилась в отеле «Гуйдак». Пит может проснуться и... — Она заметила умоляющее выражение его лица. — Извините, доктор. Может быть, в другой раз. Все равно вы не узнаете от меня ничего важного.

Он пожал плечами, задумался.

— Но я так и не рассказал вам про свой сон.

— Вы меня заинтриговали, доктор. Я слышала столько бредовых историй о снах. Хотелось бы на сей раз услышать что-нибудь стоящее. Почему бы вам не пройти со мной до отеля? Это всего в паре кварталов отсюда.

— Хорошо.

Она взяла его за руку.

— Ну хоть что-то...

* * *

Это был очень худой человек с деформированной ногой и измученным лицом, на котором лежал отпечаток ненависти. Возле колена стояла трость. Вокруг него сплеталась паутина проводов — музикрон. Голову покрывала похожая на купол каска. Этот незримый шпион смотрел глазами женщины на человека, который

назвался доктором Эриком Лэддом. Худощавый мужчина усмехнулся, услышав ушами женщины: «Ну хоть что-то...»

* * *

Эрик и Колин шли рядом по дорожке возле залива.

— Вы так и не объяснили мне, что такое музикрон.

Она рассмеялась, отчего проходившая мимо парочка обернулась и уставилась на них.

— Хорошо. Но я все равно не понимаю. Нас уже ме-
сяц показывают по телевизору.

«Она считает меня занудой, — решил он. — Наверное, так и есть».

— Я не подписан на развлекательные каналы, — сказал он. — Только на научные и новостные.

Она пожала плечами.

— В общем, музикрон — это что-то вроде машины для записи и воспроизведения, только оператор может примешивать любые новые звуки, которые пожелает. Он надевает на голову небольшую металлическую каску и просто думает о звуках — а музикрон их воспроизводит. — Она мельком взглянула на него и отвела глаза. — Все говорят, это обман, но это не так.

Эрик остановился сам и остановил ее.

— Потрясающе. Почему... — Он запнулся и усмехнулся. — Знаете, вы ведь разговариваете с одним из немногих в мире экспертов в этой области. У меня в подвальной лаборатории есть энцефалорекордер — новейший психозонд... Именно это вы и пытаетесь описать. — Он улыбнулся. — Психиатры в этом городе, может быть, и считают меня молодым выскочкой, однако пациентов с самыми сложными диагнозами направляют именно ко мне. — Он опустил глаза. — Так что давайте просто признаем, что машина вашего Пита — не более чем эффектный трюк.

— Но это не просто трюк. Я слышала записи до того, как они попадали в машину, и после выхода из нее.

Эрик усмехнулся.

— Ох, вы такой высокомерный, — нахмурившись, сказала она.

Эрик положил ладонь ей на руку.

— Прошу вас, не сердитесь. Просто мне хорошо знакома эта область. Вы не хотите признавать, что Пит провел вас, как и всех остальных.

— Послушайте... доктор... Пит... был... одним... из... изобретателей... музикрона... Пит... и... старый... доктор Аманти, — четко выговаривая каждое слово, медленно произнесла она и, прищурившись, уставилась на Эрика. — Может, вы в своем деле и большая шишка, но я говорю о том, что слышала собственными ушами.

— Говорите, Пит работал над этим музикроном вместе с доктором? Как, вы сказали, имя того доктора?

— О, доктор Карлос Аманти. Его имя написано на табличке внутри музикрона.

Эрик покачал головой.

— Быть того не может. Доктор Карлос Аманти в сумасшедшем доме.

Она кивнула.

— Правильно. Больница Ваилику для душевнобольных. Там они и работали над музикроном.

По лицу Эрика пробежала тень сомнения и настороженности.

— И, говорите, когда Пит думает о звуках, машина их воспроизводит?

— Именно.

— Странно, что я никогда раньше не слышал об этом музикроме.

— Доктор, вы много о чем никогда раньше не слышали.

Он облизнул губы.

— Возможно, вы и правы. — Он взял ее за руку и быстро зашагал по дорожке. — Я хочу увидеть этот музикрон.

* * *

В Лотоне, Оклахома, длинные ряды сборных барачков изнемогают от зноя на пропеченной солнцем равнине. В каждом бараке — маленькие отсеки; в каждом отсеке — больничная койка; на каждой койке — человек. Барак ХРО-29: по коридору шагает психиатр, за ним санитар толкает тележку. На тележке — иглы, шприцы, антисептики, успокоительные, пробирки. Психиатр качает головой.

— Бейли, назвав эту штуку Скрэмбл-синдромом, они попали в точку. Как будто в каждый человеческий психоз засунули венчик, все перемешали и активировали*.

Санитар что-то бормочет, уставившись на психиатра. Психиатр оглядывается.

— И никакого прогресса в этом деле. Все равно что носить воду решетом.

Дальше по коридору кто-то кричит. Они ускоряют шаг.

* * *

Перед Эриком и Колин вырос купол лифта отеля «Гуидак», похожий на опрокинутую на тротуар половинку арбуза. На вершине купола медленно вертелось сине-красное кольцо со словами: «Колин Ланаи, Пит Серантис и музикрон».

Перед куполом по тротуару расхаживал, опираясь на трость, хромой худошавый мужчина. Когда Эрик и Колин подошли ближе, он поднял голову.

---

* Одно из значений английского слова “scramble” — смешивать яйца для яичницы-болтуньи. — *Примечание редактора.*